

Культурный капитал семьи как фактор культуркапитализации современного украинского студенчества

А.С. Голиков

Статья посвящена анализу специфики проблем конструирования культурного капитала через культурное потребление в постсоветских условиях. Автор акцентирует внимание на гетерогенности влияния разных культуркапитальных видов деятельности и предлагает собственную классификацию, деля эти виды на практики и стратегии. На этой базе делается вывод о возможности изучения культурного капитала через прагматическое измерение.

Ключевые слова: культурный капитал, культурное потребление, культуркапитализация, практики, стратегии, ценности.

Стаття присвячена аналізу специфіки проблем конструювання культурного капіталу через культурне споживання в пострадянських умовах. Автор акцентує увагу на гетерогенності впливу різних культуркапітальних видів діяльності і пропонує власну класифікацію, поділяючи ці види на практики і стратегії. Засновуючись на цьому робиться висновок про можливість вивчення культурного капіталу через прагматичний вимір.

Ключові слова: культурний капітал, культурне споживання, культуркапіталізація, практики, стратегії, цінності.

Артыкул прысвечаны аналізу спецыфікі праблем канструявання культурнага капіталу праз культурнае спажыванне ў постсавецкіх умовах. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на гетэрагеннасці ўплыву розных культуркапітальных відаў дзейнасці і прапануе ўласную класіфікацыю, дзелячы гэтыя віды на практыкі і стратэгіі. На гэтай базе робіцца высноў пра магчымасці вывучэння культурнага капіталу праз прагматычнае вымярэнне.

Ключавыя словы: культурны капітал, культурнае спажыванне, культуркапіталізацыя, практыкі, стратэгіі, каштоўнасці.

The paper is devoted to the specificity of the problems of constructing cultural capital through cultural consumption under the post-soviet conditions. The author pays special attention to the heterogeneity of influence of different types of activities and proposes his own classification dividing these types into practices and strategies. On this basis the author makes the conclusion about the possibilities of studying cultural capital through the pragmatic dimension.

Key words: cultural capital, cultural consumption, capitalization of culture, practices, strategies, values.

Культурный капитал, который получает в современном обществе достаточно специфическое значение относительно дифференциации социокультурного пространства¹, фактически закладывает неравенства, которые фундируются в условиях неопределенности и являются «неровностями на будущее», «отложенными разрывами» в социальной ткани. Сегодня мы можем говорить о «спящем» (в марксистских метафорах) состоянии культурного капитала в социокультурных условиях нестабильного украинского общества, согласно нашим предварительным исследованиям.

Однако заложенные различия в социокультурных статусах имеют тенденцию к «замораживанию», что было замечено еще в советском обществе: «Наиболее высока вероятность стабилизации социального положения, уже однажды полученного молодежью в период включения в социальные страты»². Вряд ли нужно напоминать, какой именно период является периодом включения молодежи в систему социальных стратификаций и дифференциаций. Поэтому изучение практик и стратегий (ауто) конструирования культурного капитала, которые одновременно оказываются практиками (само) (от) отделения в социальном пространстве, приобретает специфическую гносеологическую и онтологическую актуальность.

Соответственно целью нашей работы будет анализ культурного потребления украинской молодежи с точки зрения процессов культуркапитализации в микроконтекстах повседневности и мезоконтекстах высшего образования.

Теоретико-методологическую основу нашей работы составляет – на парадигмальном уровне – комплекс наработок *структурно-конструктивистской теории* П. Бурдьё³, *деятельностно-структурная парадигма*, которая на постсоветском пространстве активно раз-

¹ На этом вопросе мы не будем останавливаться подробно, хотя заметим, что расслоение в поле культурного капитала пока слабо ощущается в украинском обществе через феномен «движущихся структур» (см.: работы Макеева С.А. Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. Киев, 2006).

² Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М., 1986. С. 95.

³ Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М., 2004. С. 519-536.

рабатывалась О.Д. Куценко и Т.И. Заславской, и *феноменологическая социология знания* П. Бергера и Т. Лукмана. На концептуальном же уровне мы опираемся на *теорию практик*¹ и *ценностный подход*², который применительно к изучению культурного капитала мы предлагаем модифицировать в *ценностно-деятельностный подход*, синтезируя их наработками вышеупомянутой теории практик.

Эмпирическую базу статьи составляет масштабное исследование кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических трансформаций»³.

П. Бурдьё, описывая процесс конструирования культурного капитала личности, утверждал, что лучшим индикатором и мерилем объема капитала является *время, потраченное на его конструирование*. Однако при этом французский социолог не указывал на различие интенсивности конструирования, а также на возможную множественность стратегий конструирования культурного капитала, которая встает перед актором. В этой связи гносеологически и праксеологически важно было бы изучить взаимосвязи и взаимовлияния в комплексе факторов конструирования культурного капитала. *Культурное потребление* формирует двойную связь с культурным капиталом: через габитуализированные схемы восприятия, с одной стороны, оно детерминирует определенные схемы практик, т.е. дальнейшие стратегии конструирования культурного капитала, с другой стороны, – оно является важным индикатором объема, структуры и качества культурного капитала личности.

Традиции изучения культурных практик или культурного потребления существуют не только в западной социологии (где, например, разработан целый подход к культурному капиталу на этой основе – см. работы Р. Патерсона), но и в советской, которая еще со времен изучения свободного времени будущих специалистов харьковской, прибалтийской, московской и другими социологическими школами предложила ряд критериев так называемого *культурного уровня людей*: «Критерием культурного уровня выступает гармоничность и глубина культурной деятельности. Такими показателями могут быть следующие: 1. Уровень общего и специального образования; 2. Наличие предметов многочасового культурного использования (библиотека, фонотека, телевизор, радиоприемник, магнитофон), 3. Сумма расходов на культурное развитие личности в общем бюджете потребления; 4. Диапазон и частота посещений учреждений культуры; содержание избранных духовных ценностей; 5. Место культурной деятельности в бюджете свободного времени; 6. Интенсивность и содержательная сторона участия членов группы в духовном производстве»⁴. Как минимум три последних из этих предложенных индикаторов относятся к индикаторам практик культурного потребления, не говоря уже о предиспозиционном статусе второго и третьего индикатора относительно этих практик, что позволяет изучать указанные практики косвенным путем.

Более современную модификацию подобного исследовательского проекта изучения культурного потребления предлагает в своем международном исследовании Т. Зарицки⁵, который показатель культурного капитала, полученного в семье, деконструировал на три равноправных компонента, на базе которых синтезировался следующий индекс: образование отца, образование матери и количество книг дома. Книги, как одни из важнейших каналов трансляции культурного капитала в виде инкорпорированных знаний и информации, как и другие физические и цифровые носители (в последнее время все большее значение получает Интернет), являются индикатором не только культуркапитального, но и экономка-

¹ Наиболее полно представлена в кн.: Волков В.В., Хархордин О. Теория практик. СПб., 2008.

² Ручка А.А. Ценностный подход в системе социологического знания. Киев, 1987.

³ В 2005–2006 гг. по репрезентативной выборке опрошено 3057 студентов 31 вузов Украины, 780 студентов 13 вузов Беларуси и по нерепрезентативной выборке – 587 студентов 8 вузов России.

⁴ Формирование социальной однородности социалистического общества / под ред. Ф.Р. Филиппова, Г.А. Слесарева, П.М. Еренбурга. М., 1981. С. 114–128.

⁵ Зарицки Т. Культурный капитал и доступность высшего образования (по результатам сравнительного исследования студентов московских и варшавских вузов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 2. С. 47–61.

питального неравенства. Именно на эту комплексность неравенства указывали ранее исследователи – например, Н.Н. Руткевич: «Неравенство в материальном и культурном доступе различных категорий населения, как и доступ к культурным благам в различных населенных пунктах, влияют на степень раскрытия способностей детей и особенно на уровне подготовки молодежи на момент жизненного самоопределения»¹.

Но, понятно, что связь в данном случае является не одновекторной, не однолинейной, а опосредованной, в том числе и ценностями акторов, которые сами выбирают для себя модели и способы действия, и, следовательно, – выбирают стратегии и практики, исходя из встроженных (или, в бурдьевиистских терминах – габитуализированных) в них ценностных ориентаций. При этом нужно учитывать, что «ценностный подход к действительности базируется прежде всего на потребностях и интересах социального субъекта. Будучи фундаментальным жизненным фактором, потребности и интересы рождают и направляют не только теоретико-познавательное, но и практически-ценностный интерес к действительности»², можно говорить, что именно ценности (или, по Бурдье, схемы восприятия и оценивания) являются медиумом между праксисом и структурой. Речь идет о связи практических аспектов (представленных практиками и стратегиями акторов) и структурных аспектов (воплощенных, например, в объеме и содержании домашней библиотеки) социальности. Поэтому важным является исследование связанности этих факторов между собой.

Безусловно, процесс культурного потребления не является дисконтекстуальным. Одним из его контекстуальных факторов является культуркапитальная насыщенность акторной повседневности, которая выражается в системе доступов к культуркапитально содержательным сегментам социальной реальности: к системе социальных практик, к потокам информации, к местам хранения знаний и информации. Одним из таких сегментов является домашняя библиотека. Трудно отрицать влияние стационарного доступа к определенному объему культурного капитала, который хранится в библиотеке, на общий процесс конструирования. Это влияние мы можем проиллюстрировать влиянием объема домашней библиотеки на академической успеваемости респондентов.

Так, например, наблюдается зависимость между наличием библиотеки, ее объемом и умением пользоваться Интернетом, в том числе и самостоятельно (см. табл. 1 и 2). В этом свете можно говорить о том, что накопление культурного капитала ведет за собой накопление, в т.ч. и через механизмы (ре) конструирования схем восприятия, оценки и действия: чем выше объем домашней библиотеки (один из важнейших признаков капитализированности повседневности), тем выше навыки использования Интернета (как ни парадоксально – наиболее демократичного и доступного массива информации), и самостоятельны эти навыки.

Так, например, в чтении литературы по специальности наблюдается достаточно выраженная зависимость: доля тех, кто читает регулярно, возрастает с 28% до 41% (вообще высокие проценты «читающих регулярно» объясняются спецификой выборки, включающей студентов, т.е. акторов, находящихся на стадии активного конструирования культурного, в том числе и специализированно-профессионального его аспекта – капитала). Поэтому можно утверждать, что эти проценты, будучи в определенной степени детерминированы самой спецификой деятельности респондентов (т.е. реализацией образовательных стратегий), в то же время зависят и от ее повседневности.

Однако чтение специализированной литературы было бы валидным признаком для капитализационных стратегий в том случае, если бы оно не входило в круг обязательных практик респондентов. Поэтому в качестве яркого индикатора было бы лучше выбрать те практики, которые являются высококапитализируемыми, но при этом они необязательны в силу специфики деятельности. Такой практикой может быть чтение научно-популярной литературы. Процент тех, кто регулярно ее читает, с повышением капитализации повседневности растет

¹ Руткевич М.Н. Становление социальной неоднородности. М., 1982. С. 232.

² Зарицки Т. Культурный капитал и доступность высшего образования (по результатам сравнительного исследования студентов московских и варшавских вузов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 2. С. 47–61.

почти вчетверо, с 5% до 19%, а процент тех, кто никогда ее не читает, – падает с 53% до 25% – более чем вдвое. Это наиболее яркий признак, который может быть использован, в том числе и в качестве индикатора высококапитализированного субъекта (конечно, в сочетании с другими признаками) в дальнейших исследованиях. Несмотря на высокую дифференцированную способность, через главный признак (см. определение стратегии и практики ниже) мы относим ее к культуркапитализационным практикам, а не стратегиям.

Аналогичным образом попытаемся проинтерпретировать связи между наличием домашней библиотеки и чтением различных типов ненаучной и неспециализированной литературы.

Таблица 1

Зависимость культурного потребления как культуркапитализационные практики от объема домашней библиотеки (в %, по самооценкам респондентов, N = 3057)

Читают...		Нет библиотеки	До 200 книг	До 500 книг	До 1000 книг	Более 1000 книг
Литературу по специальности	Никогда	17	16	12	12	11
	Периодически	55	54	51	54	48
	Регулярно	28	30	37	34	41
Научно-популярную Литературу	Никогда	53	42	30	28	25
	Периодически	42	49	58	57	55
	Регулярно	5	9	12	16	20
Поэзию	Никогда	73	68	60	55	49
	Периодически	25	28	33	38	42
	Регулярно	2	4	7	7	9
Художественную литературу	Никогда	62	45	39	23	24
	Периодически	32	45	45	58	48
	Регулярно	6	10	16	19	28
Приключенческую и фантастическую Литературы	Никогда	68	48	48	42	44
	Периодически	27	35	35	39	34
	Регулярно	5	17	17	19	22
Детективную литературу	Никогда	66	61	58	53	48
	Периодически	26	31	31	37	40
	Регулярно	8	8	11	10	12

В чтении поэзии (которая априорно является элитным в культурном смысле потреблением) заметна определенная стратификация, однако она не является очень яркой. Даже в наиболее высококапитализованной категории респондентов число тех, кто регулярно читает поэзию, не превышает 10%, а количество тех, кто никогда не читает поэзию, чуть ниже 50%. Это позволяет утверждать, что интерес к чтению поэзии определяется личным вкусом и семейными традициями (которые, впрочем, являются диалектически результатом капитализированной актёрной повседневности), ибо представляет собой специфическое культурное потребление, не сориентированное прямо на конструирование культурного капитала.

Несколько иная ситуация складывается в сфере культурного потребления художественной литературы. Здесь зависимость сопоставима по силе и типу со случаем потребления научно-популярной литературы. С нашей точки зрения, это связано с тем, что чтение художественной литературы (особенно высококачественной, классической или общепризнанной) в условиях нашего общества все еще является признаком высокой эрудиции, – необходимого атрибута не только интеллектуала, капитализированного актёра, но и интеллигента – специфического для наших социокультурных условий феномена. Именно интеллигентная семья может себе материально и интеллектуально разрешить библиотеку более 1000 книг, и именно выходцы из таких семей больше всего читают художественную литературу. В том, что дело обстоит именно таким образом, мы можем убедиться, изучив – на контрасте – распределение высококапитализированных респондентов за чтением фантастики, приключений и детективов.

Таблица 2

**Зависимость различных культуркапитализационных практик и стратегий
украинского студенчества от объема домашней библиотеки
(в %, по самооценкам респондентов, N = 3057)**

Культуркапитализационные практики и стратегии		Нет библиотеки	До 200 книг	До 500 книг	До 1000 книг	Более 1000 книг
Университетская академическая успешность	Только на «5»	8	9	12	12	19
	На «5» и «4»	35	39	41	44	42
	В основном на «4»	26	26	25	24	21
	На «4» и «3»	25	20	18	17	15
	В основном на «3»	6	6	4	3	3
Интернет-компетентность	Самостоятельно	34	49	64	69	76
	Несамостоятельно	20	21	16	15	12
	Инкомпетентность	46	30	20	16	12
Стратегии изучения иностранного языка	Самостоятельно	9	13	19	24	29
	Как академический предмет	88	84	78	72	66
	Другое	3	3	3	4	5
Оценка необходимости иностранного языка	Нужно	76	79	84	85	88
	Не нужно	9	6	5	3	3
	Сложно ответить	15	15	11	12	9

Они (в особенности детективная литература) демонстрируют слабую дифференциацию и позволяют утверждать, что эти категории чтения (наиболее популярные и приближенные к массовому потреблению) в современности уже не являются практиками успешного конструирования капитала, а, скорее, являются тратой времени, которое могло быть потрачено на другие стратегии конструирования культурного капитала, и, следовательно, являются *имитацией, симуляком* этих практик, паллиативом чтения и инкорпорирования информации и знаний.

Наглядной является зависимость академической успеваемости от объема библиотеки: среди обладателей больших библиотек почти каждый пятый отличник и только 3% троечников. Особенно интересна «гармоничность» распределения и практически полное отсутствие исключений из указанного правила.

Обратный анализ данного двухмерного распределения показывает, что среди отличников втрое больше обладателей крупных библиотек (почти 15% отличников и лишь 4,9% троечников), и суммарно на 20% меньше тех, у кого нет или очень небольшая библиотека (45% отличников против 65 % троечников).

Однако такой зависимости мало: «Факт наличия у семьи библиотеки или фонотеки мало что скажет о культуре семьи без анализа того, какие книги и записи хранятся там»¹, т.е. важным оказывается не только объем и наличие, но и состав домашней библиотеки – качество ее наполнения (см. табл. 3). Ведь не всякая литература в условиях современного «информационного взрыва» включает в себя ценный для стратегий культурно капитального конструирования ресурс. Попробуем определить важность содержательного аспекта стратегий конструирования.

¹ Формирование социальной однородности социалистического общества / под ред. Ф.Р. Филиппова, Г.А. Слесарева, П.М. Еренбурга. М., 1981. С. 112.

Таблица 3

**Состав домашней библиотеки у респондентов из разных
академически успешных групп (в % к числу опрошенных)**

Как учатся	Художественная литература	Романы «легкого жанра»	Книги по искусству	Энциклопедии	Специальная литература	Иностранная литература
Только на «5»	81	57	24	55	49	23
На «5» и «4»	79	60	21	54	46	21
В основном на «4»	74	57	19	46	40	18
На «4» и «3»	70	60	18	47	31	14
В основном на «3»	69	61	12	49	29	11
В целом по массиву	76	59	20	51	41	19

Состав библиотеки оказывается важным для стратегий конструирования культурного капитала хотя бы с точки зрения академической успеваемости как меры институционального признания успешности указанных реализуемых стратегий: среди отличников вдвое больше, чем среди троечников, тех, у кого есть книги по искусству или иноязычные (которые уже определялись как индикаторы высокой капитализации и в других случаях). Прямая зависимость с заметной (хотя и не столь «острой») разницей (амплитуда разницы составляет от 6 до 21%) наблюдается для категорий «художественная литература», «энциклопедии» и «специальная литература». Единственная категория, которая дает «обратную» зависимость, – это категория «романы» (и этот пример тоже подтверждается на других признаках). Это еще раз доказывает, что, с одной стороны, *не каждое культурное потребление является безусловным конструированием культурного капитала*, и, с другой стороны, что с точки зрения конечного результата (объема, структуры и качества культурного капитала) не каждая потраченная единица времени на конструирование культурного капитала равна другой произвольно взятой единице времени, затраченного на конструирование культурного капитала.

Эти выводы подтверждаются на примере общедоступного культурного потребления – а именно *просмотра телевизионных передач*. Отсутствие корреляции с академической успеваемостью демонстрируют такие категории, как просмотр развлекательных, музыкальных, научно-популярных передач, передач о здоровье. Слабую корреляцию демонстрируют передачи с бизнес-информацией, художественные и публицистические передачи. Заметную прямую зависимость демонстрирует просмотр информационных передач (где амплитуда разницы достигает 1,5 раза). И, что интересно, заметную обратную зависимость демонстрируют просмотр телесериалов и спортивных передач (амплитуда разницы – 2 раза). То есть потребление *телевизионно* представленной информации оказывается куда более проблемным каналом конвертации культурного капитала. Это мы склонны объяснять целым рядом причин (общедоступностью данной стратегии, наличием более капиталоемких стратегий конструирования культурного капитала, ограниченностью во времени любого из акторов, неселективностью и неуправляемостью данной стратегии со стороны самого актора в сравнении с Интернет-стратегиями). Но в целом оказывается, что один культурный продукт, потребленный различными каналами трансляции культурного капитала, может обладать различными свойствами с точки зрения конструирования культурного капитала (что и демонстрируется расхождением между телевидением и библиотекой как каналами трансляции капитала на примере категорий художественных продуктов), а также с точки зрения статусности капитала, его социальной признанности.

Приведенные данные позволяют заметить, что, с одной стороны, наблюдается процесс нормализации и стабилизации системы капиталов в Украине, при котором создается и институтируется структура конвенций по ценности и роли той или иной формы капиталов (что мы можем проиллюстрировать по факту постепенной потери экономическим капиталом своего ключевого значения универсального эквивалента и капитального конвертора, присущего ему на протяжении 1990-х гг.), а, с другой, – процессы институционализации «новых нера-

венств». При этом «новые неравенства» оказываются не заново создаваемыми, а реинституционализированными, исходя из предыдущей системы неравенств (т.е. создается система наследственности неравенств). Параллельно с этим мы видим дифференцирование стратегий накопления культурного капитала путем активизации «эффективного» критерия оценки этих стратегий: ведь даже самое *время*, потраченное на конструирование культурного капитала, *становится качественно различным* (а не только количественно измеряемым) и даже различно направленным в контексте конструирования культурного капитала.

В теоретическом смысле мы должны констатировать, что конструирование структуры культурного капитала осуществляется в рамках двух видов активности: *практик* и *стратегий*. Существенное различие между практиками и стратегиями мы видим в интенциональности активности. Практики осуществляются актёрами различной степени капитализации в рамках рутинизированных схем восприятия, оценки и действия. Стратегии же заранее продуманы, запланированы и так или иначе (на определенном уровне уже существующего капитала, а вследствие этого – разными по дальнейшими видами и инструментами активности) подготовлены предшествующей траекторией конструирования культурного капитала. Вследствие такого существенного различия можно обнаружить дополнительный ряд отличий:

- *наследственность стратегий и практик*: стратегии являются наследственными относительно одна другой непосредственно, переход из «уровня» на «уровень» культурного капитала осуществляется согласно повседневной логике взаимодействия и понимания (здесь можно в качестве примеров привести получение образования, улучшение навыков владения языками и пр.); наследственные же практики выступают одна относительно другой опосредованно, и переход между «уровнями» осуществляется не только по некоей закономерности или логике, но и, зачастую, – вследствие случайностей, стечения обстоятельств (так, практика культурного потребления обуславливается не последовательностью чтения «более» и «менее» культуркапитально содержательных книг, а личным интересом актёра, порядком попадания книг в круг интеллектуального горизонта актёра, финансовыми и – отчасти – культурными возможностями актёра и проч.);
- *упорядоченность*: стратегии упорядочены, реализуются согласно определенному регламенту действий, в то время как практики осуществляются хаотизированно; вследствие этого стратегии осуществляются чаще всего в рамках институциональных схем, а практики – в рамках повседневных способов поведения;
- *осознанность*: стратегии в большинстве своем являются осознанным процессом накопления или конвертации капитала (даже если актёр не оперирует такими терминами) в его культурную форму, в то время как практики реализуются согласно неосознаваемым ценностным габитуализированным структурам;
- *избирательность*: стратегии находятся в капитализированном арсенале актёров с определенным уровнем культурного капитала, причем этот уровень позволяет им ставить в своей повседневности вопрос о целенаправленном получении или пополнении культурного капитала (вследствие этого стратегии, во-первых, менее распространены, чем практики, во-вторых, стратегии являются более распространенными на более высоком культуркапитальном стратификационном уровне общества);
- *инструментальность*: стратегии, в отличие от практик, в системе ценностей актёра занимают место инструментальных ценностей, в то время как практики реализуются как самоценности;
- *эффективность*: вследствие интенциональной природы стратегий, их ориентированности на специфическое конструирование культурного капитала, в отличие от практик, в большинстве своем стратегии являются более эффективными (обладают более высокой результативностью), чем практики, осуществление которых не рассматривается актёрами как способ конструирования культурного капитала в его капиталности.

Таким образом, с нашей точки зрения, практики и стратегии, которые до сих пор не получали своего разрешения в социологических артикуляциях, по своим онтологическим свойствам являются специфически различными видами культуркапитализационной деятельно-

сти актёра, причем их различие закладывается как сущностным разрешением (*интенциональность*, при изучении которой может быть в дальнейшем эвристически интересной идея Гуссерля о интенциональности сознания), так и феноменальными, внешними различиями (приведенные выше свойства). В рамках этой дихотомии мы и планируем дальнейшее возможное изучение *культуркапитализационной активности украинской молодежи* в современном обществе, учитывая усложненность и гетерогенность этих процессов в современных окультуренных и динамизированных пространствах социокультурных дифференциаций.